

2. Прокопий Ляпунов, или
Междуцарствие в России,
продолжение Князя Скопина–
Шуйского. Сочинение того же автора.
Санкт–Петербург. В тип. военно–
учебных заведений. 1845. Четыре
части. В 8–ю д. л. В I–й части 219, во
II–й — 236, в III–й — 252, в IV–й —
278 стр.³

Почти десять лет прошло с того времени,
как появился в свет роман «Князь Скопин–
Шуйский», до настоящей минуты,

8

когда появляется продолжение этого
романа — «Прокопий Ляпунов, или
Междуцарствие в России». Десять лет —
много времени, особенно для русской
литературы — это почти целый век для нее!
В самом деле, какой огромный шаг вперед
сделала наша литература! Как изменился
вкус вашей публики в продолжение этих
десяти лет! Кинем беглый взгляд на

тогдашнее состояние русской литературы. В 1830 году явился «Юрий Милославский»,¹ в 1831 — «Рославлев» г. Загоскина, в этом же году выходят две первые части «Новика»,² в 1832 — третья, в 1833 — четвертая, в 1835 году — «Ледяной дом» г. Лажечникова. В эти же пять лет выходят романы: «Поездка в Германию» г. Греча, «Киргиз–Кайсак» г. Ушакова, «Дочь купца Жолобова», quasi* – куперовский сибирский роман г. Калашникова, «Клятва при гробе господнем» г. Полевого, «Семейство Холмских»,³ «Монастырка» г. Погорельского; г. Вельтман открывает «Кощею бессмертным» длинный ряд своих археологически–фантастически–аллегорически–поэтических романов; является «Аббадонна» г. Полевого; выходит вторая часть «Дворянских выборов» и «Шельменко, волостной писарь»,⁴ «Были и небылицы» Казака Луганского; в то же время выпускается полное издание повестей Марлинского;

* мнимо (латин.). – Ред.

г. Погодин перестает писать повести и издает вместе все написанные прежде; г. Полевой пишет «Живописца», «Блаженство безумия», «Эмму». Некоторые из этих произведений были очень замечательны для своего времени, и даже в слабейших из них, не исключая ни приторно–сентиментального и скучно–резонерного «Семейства Холмских», ни ложно–идеальных повестей г. Полевого, есть свои хорошие стороны. Вообще, вся эта романическая литература носит на себе отпечаток переходности и нерешительности: в ней виден порыв к чему–то лучшему против прежнего, к чему–то положительному, но только один порыв без достижения. Из этого не исключаются и «Повести Белкина» Пушкина, изданные в это же время.⁵ В то же время, среди всех этих более или менее однородных явлений, возникала совершенно новая романическая литература, которая не имела ничего общего с первою и впоследствии окончательно убила ее, дав всей русской

литературе совершенно новое направление. В 1831 году вышла первая, а в 1832 году вторая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в 1835 г. напечатаны «Арабески» и «Миргород», а в 1836 — «Ревизор». Нет нужды распространяться о том, какое огромное влияние имели эти произведения Гоголя на русскую литературу: только действительно слепые или притворяющиеся слепыми могут не видеть и не признавать этого влияния, вследствие которого все молодые писатели пошли по пути, указанному Гоголем, стараясь

9

изображать *действительное*, а не в воображении существующее общество; из прежних писателей некоторые переменили свое прежнее направление, подчиняясь новому, данному Гоголем; а те, которые не были в состоянии этого сделать, или перестали вовсе писать, или продолжали писать без всякого успеха. Это

совершилось в последние десять лет. Гоголь не издавал ничего после «Ревизора» до 1842 года, а дело шло своим чередом, и время лучше всех критиков решило вопрос. «Мертвые души», заслонившие собою все написанное до них даже самим Гоголем, окончательно решили литературный вопрос нашей эпохи, упрочив торжество новой школы.

«Скопин–Шуйский» г-жи Шишкиной явился в 1835 году, когда старая романическая школа уже совершила свой круг, а новая, еще не быв признанною, уже оказывала сильное влияние. Роман г-жи Шишкиной был не без достоинств, особенно для того времени; но он далеко не мог спорить в достоинстве с романами, которые породили его. Проходит десять лет, всё изменяется в литературе, как мы уже сказали об этом; журнальные корифеи начала тридцатых годов, «Телеграф» и «Телескоп» — теперь уже не более, как отдаленное воспоминание, «дела давно минувших дней»;¹ даже «Библиотека для чтения», сменившая их, уже дожила до

глубокой старости; «Отечественные записки», долго колебавшиеся в своем направлении, наконец вполне овладели им, возмужали и укрепились; обо многом в это десятилетие было переговорено, переспорено, и во многом даже согласились, — словом: всё изменилось; но новый роман г-жи Шишкиной, «Проконий Ляпунов», вышел верным 1835 году, так что, читая его, не веришь 1845 году, выставленному на его заглавии. Теперь этот роман принадлежит к числу тех произведений, которые не производят особенного впечатления, слегка похваляются, слегка почитываются и скоро забываются. Между тем он не без достоинств: написан правильным и чистым языком; рассказ местами хорош; историческая сторона его показывает основательное изучение истории, но нет творчески очерченных характеров, нет поэтически верного проникновения в дух и значение исторической эпохи, нет эстетической жизни. Во многом заметен взгляд слишком далекий: так, например, в

предисловии сочинительница в доказательство, что нельзя верить бескорыстию Ляпунова, приводит, что он был дурным мужем и не всегда трезво вел себя, — как будто нельзя быть в одно и то же время и дурным мужем и ревностным патриотом! Без всякого сомнения, быть дурным мужем — не достоинство, а порок; но неужели патриот непременно должен быть ангелом и иметь все добродетели? Если можно быть превосходнейшим мужем и отцом и в то же время вовсе не быть патриотом, почему же нельзя быть дурным мужем и патриотом? Конечно, гораздо лучше быть и

10

хорошим мужем и патриотом вместе; но люди — прежде всего люди, что бы ни говорили на этот счет дамы... Что же касается до *нетрезвости*, этот порок в тот век не в одной России, но и во всей Европе считался добродетелью мужчины: тогда пили не по-нынешнему и хвалились

пьянством, как храбростью. Лучшей оценкою нового романа г-жи Шишкиной могут служить ее собственные слова в предисловии:

Сама нередко удивляюсь, как решилась я писать исторические романы. Много требовалось на это трудов и терпения, много было мне забот и препятствий. Но высокая цель оживотворяла меня. Я считала святым вдохновением, призванием Божиим желание пробудить в благородных сердцах любовь к родному, часто заглушаемому иностранными наставниками и не совсем справедливою, но великолепную картину нерусского образования. Истории должно учиться. Она полезна, необходима. Все это знают, и никто об этом не спорит. Но и приятное развлечение часто необходимо для ума и для сердца. Историю не все читают, не все могут понимать и ценить важность происшествий государственных, но читая «Ивангоэ»,¹ «Юрия Милославского» и им подобные исторические романы, всем

приятно, мысленно переносясь в отдаленные века, как будто лично беседовать с людьми знаменитыми, среди семейств их, в их домашнем быту.

Видите ли: романы пишутся для приятного развлечения ума и сердца? «Юрий Милославский», без дальних околичностей, поставлен рядом с «Ивангоэ»?.. Этим всё сказано... Как действительно приятное развлечение для ума и сердца, «Прокопий Ляпунов» и теперь, конечно, найдет себе читателей и даже почитателей, — чего от всей души желаем мы ему, как роману, написанному с целью, без всякого сомнения, благонамеренною и похвальною. Приводим несколько строк, как образчик рассказа г-жи Шишкиной, местами не лишённого интереса. Дело идет о допросе охотника, подозреваемого в покраже кубка у князя Шуйского. Еще прежде было пытано несколько человек.

Претерпев жестокие испытания, но ни в чем не признавшись, несколько человек лежали окровавленные; глухой их стон и вой их ближних раздирали души (*ч. I, стр. 19*).

Пропускаем допрос охотника и обращаемся прямо к *делу*:²

Резкий вопль снова смутил Козьявкина. Он обернулся и на крыльце у ближней избы увидел нестарую, еще пригожую крестьянку. Узнав мать охотника, он с презрением подумал, что напрасно встревожился, и велел воинам исторгнуть у молодого новгородца признание, когда и как украл он кубок и куда его спрятал. Любовь и ненависть, надежда и отчаяние попеременно изображались во взорах и чертах несчастной матери, болезненные ее вопли часто заглушали стон ее сына, но она была недвижима, она как будто приросла к крыльцу, или, лучше сказать, всё в ней окаменело, кроме головы и сердца.

Истерзанный охотник клялся в своей невинности; голос его ежеминутно слабел, но, кроме бесчеловечного Козьявкина, никто бы не усумнился в истине слов его.

11

— Бог мне свидетель, — вскричал он, — что я вовсе не видал твоего кубка! Он рассудит меня с тобою, Клим Юдич!

— Ладно, ладно, — с неистовою усмешкою сказал Козьявкин. По его приказанию воины принесли веревки и, опутав ими плечи охотника, потянули их назад. Кости страдальца захрустели, кровь забила ключом из треснувшей его груди. Войны отскочили в сторону. Умиравший упал навзничь; его подхватила мать, такая же бледная, также до половины охолодевшая, как и он. Она положила его голову к себе на колена, прижала руку его к своим запекшимся губам, но не поцеловала его в лицо, боясь на минуту заслонить от него небо, откуда солнечный

луч, прокравшись сквозь облака, прямо на него светил.

— Отнесите его в избу, — сказал Козявкин, спокойно обмахиваясь шелковым платком: — дайте ему отдохнуть.

Подняв охотника, воины хотели оттолкнуть мать его. Она им не противилась, но они не могли разогнуть ее рук, обвинившихся около ее сына, и, принужденные нести вместе два тягла, невольно вспомнили о своих матерях, которые также могли попасть в руки ожесточенных злодеев.